

ПАВЕЛ СМОЛИН



ГОЛОВА  
ШАМИЛЯ 2

**Павел Смолин**  
**Голова Шамиля 2**  
Серия «Голова Шамиля», книга 2

*<https://litres.ru/73916599>*

*SelfPub; 2026*

**Аннотация**

В роду Зубовых двести лет ни одного генерала. Полковник Сергей Зубов продолжает традицию: уволен по ранению, протез вместо ноги, воевать больше не берут.

Засыпает над книгой о предке — казаке Фёдоре Зубове, новобранце Кавказской линии 1840 года. Просыпается им.

Впереди двадцать четыре года войны, которую он знает по книгам. Рядом — пластуны, горские леса, кремнёвое ружьё. И татарин Юсуп, который ведёт список его странных слов и пока не решил, что с ними делать.

# Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

25

# Павел Смолин

## Голова Шамиля 2

### Глава 1

Крымская война закончилась в марте.

Я узнал об этом в мае - из письма которое шло два месяца и пришло мятым, с пятном от чего-то жирного в левом углу. Подписан Парижский мир. Россия уступила. Черноморский флот - разоружить. Молдавия и Валахия - под общий протекторат. Всё что воевали - отдать.

Охримченко слушал как я читал вслух - он сам читал медленно, предпочитал на слух - и кивал с видом человека который всё понял заранее.

- Я говорил, - сказал он.

- Ты не говорил.

- Говорил. Зимой говорил. Семёну говорил - Семён помнит.

Семён не помнил. Или не сказал что помнит - это у него одно и то же.

- Говорил, - повторил Охримченко убеждённо. - Что так и будет. Что французы - они упрямые.

- Ты говорил что французы слабые.

- И упрямые. Одно другому не мешает.

Нурлан сидел на бревне у стены и смотрел куда-то в сторону ворот. Он умел слушать разговор не поворачивая головы - я научился это замечать за четырнадцать лет.

Четырнадцать.

Я сложил письмо и убрал в карман.

Восемь лет назад я стоял у вала и смотрел на зимние горы и думал: десять лет до Гуниба. Нормально. Два года из этих десяти уже прошли. Осталось восемь - и война на западе которую я не видел, но которая взяла двух моих людей переброской резервов на Крымский полуостров. Семён Рябой вернулся. Остап Хвиля - нет.

Это была потеря которую я не успел правильно обдумать - Остап ушёл в переброску в ноябре, погиб в феврале, я узнал в апреле. Три месяца между смертью и известием. Три месяца он был живой в моей голове - и вдруг сразу не стал.

Охримченко ещё что-то говорил про французов.

Я слушал вполуха.

Крепость за эти годы изменилась - не сильно, но заметно если смотреть глазами человека который помнит каждый брус. Восточный вал подняли на аршин после набега сорок девятого. Конюшню перенесли - старая сгорела, почти случайно, почти. Колодец у плаца углубили - летом сорок восьмого вода ушла ниже и мы две недели носили с реки.

Новые лица - молодые офицеры, поручики с чистыми погонами и взглядами людей которые читали про Кавказ и думали что знают. Один такой, Веретенников, смотрел на ме-

ня на прошлой неделе с тем особым выражением вежливого недоумения которое означало: полковник, а ходит с пластунами, это странно.

Не странно. Это единственный способ знать что происходит.

Но объяснять я не стал - не тот возраст чтобы объяснять молодым поручикам зачем делаешь что делаешь.

Полковник. Тоже новое.

В роду Зубовых двести лет ни одного генерала.

Традиция держится.

После обеда я пошёл к Демьяненко.

Он жил теперь в отдельной комнате - заслужил, по возрасту, по годам службы. Маленькая, с одним окном, но отдельная. Я стучал всегда - он ценил это.

- Войди.

Демьяненко сидел за столом. Перед ним - бумаги. Не приказы, не рапорты - что-то своё. Что именно, я не спрашивал никогда. Он не рассказывал. Это было правило между нами негласное и оттого крепкое.

Убрал листы.

- Полковник.

- Демьяненко.

Он постарел - правильно постарел, как стареют люди которые всю жизнь делали одно дело хорошо. Меньше резкости в движениях. Больше паузы перед словом. Волосы совсем белые - они и раньше были светлые, сейчас просто белые.

Рана на левом боку от сорок шестого давала о себе знать в сырую погоду. Он не жаловался - я видел по тому как он садился, чуть бережнее правой стороной.

- Читал про мир? - спросил я.

- Читал.

- Что думаешь?

Демьяненко думал секунду.

- Думаю что здесь ничего не изменится, - сказал он. - На западе мир. Здесь - нет.

- Здесь нет.

- Шамиль держится.

- Ещё держится, - сказал я.

Демьяненко посмотрел на меня - с тем выражением которое я за четырнадцать лет научился читать. Он что-то слышал в моих словах которые я не произносил. Слышал всегда. Никогда не называл вслух - это тоже было частью правила между нами.

- Ещё, - повторил он. - Значит не долго.

- Значит не вечно, - поправил я.

Он принял поправку - кивнул едва заметно.

- Люди пришли новые, - сказал я. - Веретенников, Бобровский, ещё двое. Молодые.

- Видел.

- Как смотришь?

Демьяненко подумал.

- Веретенников - умный, - сказал он. - Бобровский - ста-

рательный. Это разные вещи.

- Разные.

- Умный лучше, - сказал Демьяненко. - Если умный и слушается. Если умный и не слушается - хуже старательного.

- Посмотрим как Веретенников.

- Посмотрим.

Я встал.

- Демьяненко.

- М.

- Рана.

Он не ответил сразу.

- Когда сыро, - сказал он наконец. - Терпимо.

- Хорошо.

Это не было хорошо и мы оба знали это. Но другого слова не нашлось - и он принял это слово так же как принимал всё что я говорил: без лишнего.

Вечером - Охримченко у казармы. Один, что редкость - обычно рядом кто-то был, он притягивал людей разговором как свеча мотыльков.

Сидел на бревне. Смотрел в землю.

- Охримченко.

Поднял голову.

- Полковник.

Я сел рядом. Помолчали.

- Параска пишет? - спросил я.

- Пишет. - Пауза. - Фёдор большой уже. Одиннадцать лет.

Говорит что хочет служить.

- Рано ещё.

- Я говорю - рано. Он говорит - дед служил. - Охримченко усмехнулся - невесело, но без тяжести. - Дед служил, отец служит. Традиция, говорит.

- Умный мальчик.

- Весь в меня.

Это он говорил всегда - и каждый раз с такой же уверенностью что становилось понятно: это не хвастовство, это искреннее убеждение. Охримченко был честен в своих убеждениях, это я давно принял.

Помолчали ещё.

Остап не звучал в нашем разговоре. Охримченко его не называл - и я не называл. Это не было избеганием. Это было что-то другое: некоторые вещи живут рядом с разговором, не внутри него.

- Семён как? - спросил я.

- Семён вернулся тихим, - сказал Охримченко. - Тихим был - стал тише. - Пауза. - Я к нему говорю - он отвечает. Это хорошо. Когда совсем не отвечает - плохо. Сейчас отвечает.

- Следи за ним.

- Слежу, - сказал Охримченко просто. - Я за всеми слежу.

Это моё дело - следить. Говорить и следить.

Он был совершенно серьёзен.

Я встал.

- Спокойной ночи, Охримченко.

- Спокойной, полковник.

Нурлан был у южного вала - там где мы обычно стояли когда не нужно было ничего говорить. Место само по себе стало таким за годы.

Стоял, смотрел на горы.

Я встал рядом.

Горы в начале мая стояли ещё в снегу выше середины. Внизу - зелёные, по-весеннему яркие. Граница снега и зелени была чёткая, как нарисованная.

- Как ты, - сказал я. Не вопрос - утверждение. Так у нас выходило иногда.

- Нормально, - сказал Нурлан.

Помолчали.

- Семён вернулся другим, - сказал я.

- Да.

- Видишь?

- Вижу. - Пауза. - Он видит то чего мы не видели. Это тяжело носить.

- Носит.

- Пока носит, - сказал Нурлан. - Потом - посмотрим.

Это была длинная речь по меркам Нурлана. Я принял её молча.

Горы стояли как всегда - им не было дела до Парижского мира, до флота на дне бухты, до молодых поручиков с чистыми погонями. Они стояли здесь раньше Шамиля и будут стоять после. Это была не мысль, это было ощущение которое

приходило каждый раз когда я смотрел достаточно долго.

- Ещё восемь лет, - сказал я тихо. Сам себе - но Нурлан слышал всё.

Он не спросил чего восемь лет. Он вообще редко спрашивал то о чём можно было не спрашивать.

- Здесь работа, - сказал он.

Я обернулся.

Он смотрел на горы. Лицо спокойное - то самое спокойствие которое я за четырнадцать лет научился отличать от равнодушия. Равнодушие - пустое. Это - нет.

- Здесь работа, - повторил он. Чуть тише, как будто говорил сам с собой.

Я не ответил.

Ответа не требовалось.

Ночью я лежал и думал про Остапа Хвилю.

Молчаливый был - ещё молчаливее Нурлана, но другим молчанием: Нурлан молчал потому что слова были лишние, Остап - потому что слов не хватало. Разница тонкая, но она есть.

Погиб в феврале. Я узнал в апреле. Три месяца он был живой в моей голове - ходил в строю, ел в казарме, молчал своим молчанием.

Потом сразу - нет.

Война устроена так что иногда между смертью человека и пониманием этого - время. Большое или маленькое. Я видел это много раз. В той жизни и в этой.

Привыкнуть нельзя. Можно научиться жить рядом.

Завтра - смотр. Потом - рапорт Веретенникову о состоянии сотни. Потом - письмо Аксинье, она ждёт каждый месяц. Потом - работа.

Здесь работа.

Горы стоят.

Нормально.

\*\*\*

В станицу я попал в июне.

Не по плану - планов на побывку не было, служба не отпускала. Но Аксинья написала коротко: «Архип спрашивает про тебя каждый день. Приезжай если можешь». Аксинья не просила никогда без причины. Я попросил неделю у командования - дали пять дней. Взял Серого и поехал.

Дорога знакомая - четырнадцать лет одна и та же дорога. Знаю каждый поворот, каждый брод, место где Серый всегда замедляется перед подъёмом - не потому что устаёт, потому что привык замедляться. Это его странность, я перестал бороться с ней лет восемь назад.

Подъезжал к станице к полудню. Жара уже стояла - июньская, плотная, с запахом пыли и скошенной травы где-то рядом.

У ворот - никого. Обычно Архип появлялся ещё на подъезде, слышал Серого. Сейчас - тихо.

Я въехал во двор.

Аксинья была в огороде. Выпрямилась - увидела меня - не побежала, никогда не бегала, пошла ровно и быстро. Вытерла руки о передник.

- Приехал.

- Приехал.

Посмотрела на меня - внимательно, по-своему. Это был её особый взгляд: не проверка, что-то другое. Как будто сверяла то что помнила с тем что видит сейчас. Убедилась что сходится - чуть кивнула.

- Есть будешь?

- Буду. Где Архип?

- У речки. С Гришкой Терещенко пошли - с утра. - Пауза.

- Скоро должен быть.

Я расседлал Серого, дал воды. Конь пил долго - жара.

Аксинья смотрела от крыльца.

Архип пришёл через час - мокрый, в тине по колено, с длинной хворостиной в руке. Остановился у ворот.

Смотрел на меня.

Я смотрел на него.

Четырнадцать лет в мае было. Сейчас - конец июня, значит уже четырнадцать с хвостом. Вытянулся - это было первое что я увидел. За зиму вытянулся сильно, плечи пошли вширь, движения ещё не успели привыкнуть к новому телу - та лёгкая неловкость которая бывает у мальчиков в этом возрасте когда руки и ноги уже другие а голова ещё прежняя.

Лицо - прямой нос, светлые глаза, упрямая складка у рта. Фёдор-то был чернявый, смуглый. Архип в него не пошёл. Аксинья говорила: в деда. Может и в деда.

Я смотрел и думал - не первый раз, но каждый раз как первый - что этот мальчик мой предок. Что где-то в нём уже сложено то что через несколько поколений станет мной. Странная мысль - не страшная, просто странная. Как смотреть на реку и думать что эта вода будет морем.

- Батя, - сказал Архип.

- Вырос, - сказал я.

- Вырос. - Он не смутился - принял как факт. - Ты на неделю?

- На пять дней.

Кивнул - деловито, без обиды. Принял и это.

Бросил хворостину у забора - Аксинья не сказала ничего, привычно - и подошёл. Смотрел на меня снизу вверх, хотя снизу вверх уже было не так далеко как раньше.

- Серый здесь?

- В конюшне.

- Можно к нему?

- Можно.

Он пошёл. Потом обернулся.

- Ты придёшь?

- Приду.

В конюшне было прохладно и пахло соломой и кожей. Серый стоял у кормушки - ел медленно, с достоинством, как

всегда. Архип стоял рядом и гладил его по морде. Конь позволял - он всегда позволял Архипу, с первого раза позволил, я это давно заметил.

Я прислонился к косяку. Смотрел.

- Он меня помнит? - спросил Архип.

- Помнит.

- Откуда знаешь?

- Позволяет гладить.

Архип подумал.

- Он многих позволяет?

- Не многих.

Это было правдой - Серый был конь непростой, с характером. Охримченко он не позволял никогда, категорически. Нурлана - терпел. Демьяненко - позволял, но без энтузиазма. Архипа - сразу и с готовностью. Я думал об этом иногда и не находил объяснения лучше того что лошади чувствуют что-то чего люди не называют словами.

- Батя.

- М.

- Ты на войне - ты его берёшь?

- Беру.

- Страшно?

Я посмотрел на него. Он спрашивал серьёзно - не из любопытства, из того другого места откуда задают вопросы когда уже думали об этом сами.

- Кому? - спросил я.

Он помолчал.

- Ему. Серому. Страшно ему?

- Не знаю, - сказал я. - Привык, наверное. Они привыкают.

- А ты?

Пауза. Я не торопился.

- И я привык.

Архип смотрел на коня. Потом:

- Я тоже хочу привыкнуть.

Я не ответил сразу.

Вот оно - вот то зачем Аксинья написала. Не потому что Архип спрашивал про меня каждый день. Потому что Архип спрашивал про войну каждый день - и она поняла что этот разговор должен быть у нас, не у неё с ним.

- Рано ещё, - сказал я.

- Знаю.

- Тогда зачем говоришь.

- Потому что хочу.

Логика прямая - детская, но не глупая. Хочу, значит говорю. Он всегда был прямым в этом, с тех пор как начал говорить.

- Зубовы воюют, - сказал я.

- Да.

- Но не торопятся.

Он подумал.

- Дед торопился.

- Дед был молодой и не думал.

- Ты думаешь?

- Теперь - да.

Архип посмотрел на меня - с тем прищуром который я видел у него уже года три. Прищур думающего человека - не подозрительный, а оценивающий. Что-то в нём работало, сортировало, делало выводы. Иногда это было почти неудобно - быть под этим взглядом.

- Ты странный, батя, - сказал он.

- Знаю.

- Не как другие отцы.

- Знаю.

- Это хорошо или плохо?

- Не знаю, - сказал я. - Зависит от чего.

Он принял это - кивнул как взрослый, убрал в голову, переключился на Серого. Погладил по шее. Конь повернул голову, посмотрел на него большим тёмным глазом.

- Серый - тоже не как другие кони, - сказал Архип. - Гришка говорит что мой конь лучше. Я говорю - у меня пока нет, но батин лучше всех.

- Гришка согласился?

- Нет. Но он неправ.

Вечером - Аксинья, я, за столом. Архип ел быстро и ушёл - у него свои дела, мальчишечьи, они не ждут.

Матрёна умерла три года назад - тихо, во сне, без боли судя по всему. Аксинья написала мне тогда одно слово: «Мама». Я прочитал и сидел с этим словом долго. Всё что нужно

было сказать - было в нём.

Теперь они вдвоём с Архипом. Соседи помогают - казачья станица, это так устроено. Но хозяйство на ней.

Постарела - не так чтобы сильно, но заметно. Красиво постарела. Это был правильный возраст для неё - тот возраст когда человек становится собой окончательно, когда всё лишнее уходит и остаётся только то что настоящее.

Мы не говорили про войну.

Это тоже было правило между нами - негласное, возникшее само. Она не спрашивала подробностей, я не рассказывал. Она знала что я вернусь, я знал что она ждёт. Этого хватало.

- Архип читает, - сказала она.

- Хорошо читает?

- Хорошо. Отец Василий говорит - лучший в станице из его лет.

- Это отец Василий говорит или правда?

- Отец Василий не льстит, - сказала Аксинья. - Ты его знаешь.

Знал. Прямой был человек, без лишней мягкости.

- Пишет тоже, - добавила она.

- Что пишет?

- Всякое. - Пауза. - Записывает что видит. Людей описывает, разговоры. Говорит хочет чтобы не забылось.

Я подумал про Юсупа. Про то как он вёл свой список странных слов - тоже записывал чтобы не забылось. Разные

люди, одно движение.

- Ты ему про книгу рассказывала? - спросил я.

Аксинья посмотрела на меня.

- Про какую книгу?

- Про Юсупа. Он написал книгу - про сотню, про людей.

- Нет, - сказала она медленно. - Не рассказывала. - Помолчала. - Ты думаешь - похоже?

- Думаю - да.

Она смотрела в стол. Потом:

- Он на тебя похож. Не лицом - другим.

- Чем?

- Смотрит так же. - Пауза. - Ты смотришь на людей - как будто видишь больше чем есть. Он так же смотрит.

Я не ответил.

Она права - я видел это в нём. Этот взгляд который оценивает не снаружи, а глубже. Откуда это в нём - не знаю. Может от неё, умная женщина. Может от времени, растёт в станции где всё на виду, учишься читать людей волей-неволей. Может - от чего-то другого.

Bootstrap-парадокс был в этом во всём. Я сделал что-то что сделало его таким. Или он был бы таким без меня. Или он сделает что-то что сделает меня таким - в той цепочке которую я не вижу полностью.

Не думай об этом. Некуда додумать.

- Хороший мальчик, - сказал я.

Аксинья посмотрела на меня.

- Хороший, - согласилась она просто.

Следующий день - с Архипом.

Он выбрал куда пойти сам - на речку, место где удобно сидеть на берегу и видно и горы и дорогу. Хорошее место, я его знал.

Сидели. Вода шла неторопливо, июньская, ещё полная.

- Батя, - сказал Архип.

- М.

- Ты знаешь когда война закончится?

Я посмотрел на него.

- Почему спрашиваешь?

- Потому что интересно. - Пауза. - Гришка говорит - никогда не закончится. Его отец говорит - скоро. Отец Василий говорит - на всё воля Божья. - Он помолчал. - Это все разные ответы.

- Закончится, - сказал я.

- Откуда знаешь?

- Все войны заканчиваются.

- Но когда?

Я смотрел на воду.

- Лет через восемь, - сказал я. - Может через десять.

Архип молчал. Считал, наверное.

- Мне тогда будет двадцать два, - сказал он. - Или двадцать четыре.

- Да.

- Значит успею.

- Успеешь что?

- Повоевать.

Я смотрел на него. Он смотрел на воду - спокойно, как человек который принял решение и теперь просто ждёт когда придёт время его исполнить.

Он выживет. Я знал это - потому что я есть, значит он выжил, значит у него были дети и внуки и правнуки до меня. Bootstrap работал в обе стороны - я не мог его потерять в бою, хронология не позволяла.

Но хронология не отменяла ран. Не отменяла страха. Не отменяла того что первый бой это первый бой - всегда, для любого человека, сколько бы ты ни знал про него заранее.

- Архип.

- М.

- Когда придёт время - приходи ко мне.

Он обернулся. Смотрел.

- В сотню?

- В сотню.

- Ты возьмёшь?

- Возьму.

Он кивнул - медленно, серьёзно. Договор. У него был этот навык - принимать договоры всерьёз, без лишних слов.

Вода шла мимо.

Горы стояли за лесом - отсюда не видно, но я знал что они там. Всегда там.

- Батя.

- М.

- Ты боишься что я погибну?

Прямой вопрос. Я не удивился - он всегда задавал прямые вопросы, с четырёх лет.

- Боюсь, - сказал я.

- Но отпустишь.

- Отпущу.

- Почему?

Я думал.

- Потому что это твоё, - сказал я. - Не моё чтобы держать.

Он молчал долго. Потом кивнул - один раз, коротко. Убрал в голову. Переключился.

- У Гришки лягушка сбежала, - сказал он. - Он её три дня ловил. Жалко.

- Жалко лягушку или Гришку?

- Гришку. Лягушке, наверное, хорошо.

Последнее утро - быстрое, как всегда бывают последние утра когда знаешь что скоро уезжать.

Аксинья собрала в дорогу - молча, привычно. Архип крутился рядом, мешал, она не прогоняла.

У ворот - Архип. Смотрел как я седлаю Серого.

- Батя.

- М.

- Я буду готовиться.

- К чему?

- К тому чтобы прийти к тебе в сотню. Буду учиться - стре-

лять, ездить, ещё что скажешь.

- Слушаться учись, - сказал я. - Это сложнее всего.

Он подумал.

- Слушаться кого?

- Командира.

- А если командир неправ?

- Молчи и делай. Потом разберёшься.

- А если он совсем неправ? - спросил Архип. - Сильно?

Я посмотрел на него.

- Тогда скажи один раз. Тихо. И делай.

- А если не послушает?

- Делай и помни что ты говорил. Это тебе потом понадобится.

Архип кивал - внимательно, как записывал. Может и записывал - в голове или потом на бумаге. Аксинья сказала что записывает.

- Хорошо, - сказал он.

- Ещё одно.

- М.

- Лошадь - это не оружие. Это товарищ. Разница важная.

Он посмотрел на Серого.

- Он твой товарищ?

- Да.

- Он знает?

- Знает.

Архип кивнул - принял как данность. Погладил Серого по

носу. Конь не отстранился.

Я сел в седло.

Аксинья стояла у крыльца. Смотрела. Я смотрел на неё - секунду, не больше. Кивнул.

Она кивнула.

Этого хватило.

Я выехал за ворота. Серый пошёл ровно - знал дорогу назад так же хорошо как дорогу сюда.

У поворота я не обернулся.

Не потому что не хотел видеть. Потому что уже видел: Аксинья у крыльца, Архип у ворот с рукой ещё поднятой после того как потрепал Серого. Это было у меня - и этого было достаточно на следующие месяцы.

Дорога шла на восток. Горы впереди - белые ещё в снегу по-над серединой, зелёные внизу.

Архипу в мае было четырнадцать.

Лет через семь - придёт в сотню.

Я его возьму.

Выживет.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.